

Глеб Иванович Успенский

«На минутку»

Глеб Успенский
«На минутку»

«Public Domain»

1889

Успенский Г. И.

«На минутку» / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1889

«— Ну, как же у вас тут? как живется? ничего?— Да все по-старому! Чего нам делается? Живем помаленьку! Этими обычными словами, очевидно не имеющими никакого определенного смысла и значения, невольно обмениваешься с деревенскими обывателями всякий раз, когда, после долгой отлучки, и главным образом зимою, случится «на минутку» заглянуть в деревню. Не придают этой взаимной перемолвке никакого существенного смысла и те деревенские люди, начиная с ямщика, везущего с вокзала, с которыми приходится столкнуться в короткое время случайного приезда. И все-таки, когда минуют эти короткие минуты, и сани ямщика обратно бегут к вокзалу, и когда припоминаешь все невольно виденное и слышанное, почти всегда оказывается, что эти ничего не значащие слова были едва ли не единственным ласковым впечатлением, которое осталось на душе...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

«На минутку»

I

– Ну, как же у вас тут? как живется? ничего?

– Да все по-старому! Чего нам делается? Живем помаленьку!

Этими обычными словами, очевидно не имеющими никакого определенного смысла и значения, невольно обмениваешься с деревенскими обывателями всякий раз, когда, после долгой отлучки, и главным образом зимою, случится «на минутку» заглянуть в деревню. Не придают этой взаимной перемолвке никакого существенного смысла и те деревенские люди, начиная с ямщика, везущего с вокзала, с которыми приходится столкнуться в короткое время случайного приезда.

И все-таки, когда минуют эти короткие минуты, и сани ямщика обратно бегут к вокзалу, и когда припоминаешь все невольно виденное и слышанное, почти всегда оказывается, что эти ничего не значащие слова были едва ли не единственным ласковым впечатлением, которое осталось на душе. Обычные слова ничего не означали, но они говорились с желанием собеседников относиться друг к другу «по-приятному», говорились не с унылым лицом, тогда как малейшее «касательство» в разговоре к вопросам реальной деревенской действительности почти всегда омрачало и мысли и лица собеседников. Прискорбный тон, прискорбный вздох были всегда началом такого подлинного разговора о подлинных обстоятельствах деревенской жизни, потому что с удивительным постоянством такой разговор всегда почти касался какого-нибудь прискорбного факта.

Иной раз подолгу нет желания даже и «на минутку» заглянуть в деревню, хотя бы и по какой-нибудь незначительной надобности, и тем менее для того, чтобы «отдохнуть» во впечатлениях народной жизни. Последнее положительно невозможно, так как если вы, живя в самом центральном месте механизма мероприятий ко благу отечества, чувствуете, что в них есть иногда недомолвки и недоделки, то видеть осуществление всего этого вживе и въяве, в той ячейке общественного организма, которая именуется деревней, – значит не получить ничего, кроме самых унылых мыслей. Если же иногда при этом все-таки является неотразимое желание заглянуть в деревню «на минутку», то это происходит только в такие мгновения, когда суета сует хлопотливой столичной жизни прекратит, наконец, самую малейшую возможность понимать смысл как того, что приходная переживать, так и вообще смысл своего существования. Тогда является неотразимая потребность освежить свои нервы какими-нибудь впечатлениями живого, не подлежащего изменениям и дополнениям естества, вековой, живой книги жизни природы.

При таких обстоятельствах даже простой, но настоящий, белый снег, пушистыми сугробами укрывающий простор полей, и тот уже освежает измаявшиеся нервы впечатлением ничем не поврежденного естества. В столице снег бывает снегом только тогда, когда еще только падает с неба, когда он, пушистый и белый, мелькает за окном, пытаясь приютиться на железном подоконнике. Но едва он достигнет земли, как тотчас пропадает о нем всякое представление. Толпы дворников, околоточные, даже иногда частный пристав, все это хлопочет и суетится над чем-то, подлежащим немедленному истреблению. Это «что-то» дерут железными скребками, пихают метлами, валят в каком-то разлагающемся, трупном виде в грязнейшие ящики на дровнях и поспешно увозят с глаз долой; это уже не снег, и то, во что превращено самое естество пушистого снега, этого и передать невозможно. Понятно поэтому желание хоть снегот увидеть в его настоящем естестве, а не мероприятие над каким-то разложившимся трупом.

И, право, хорошо на нескрипучих полозьях ехать по мягкому снегу. Особливо хорошо это, когда кругом ненарушимая тишина, а еще лучше, когда к тому же и тьма кругом кромешная. Звякает только непривязанное у дуги кольцо, но тьма и тишина так успокаивают нервы, что этот едва слышный, хотя и однообразный звук не тревожит их.

Не нарушимая ничем тишина, та самая, которую без всякого преувеличения можно именовать «мертвою тишиной», много, много дает она целебного успокоения всему измаявшемуся телу. Темная, черная ночь, смиловавшись над измученными нервами, по которым столичный день, как полупьяный тапер на разбитом инструменте, колотит с утра до ночи, закрывает, наконец, крышку инструмента и ни единым толчком не трогает избитых струн. Не знаю, отдыхают ли струны после тиранства тапера, но нервы, не получающие никаких впечатлений, и мысль, совершенно ослабленная тьмой, изъемлющей от ее внимания все впечатления действительности, начинают приходить в себя, выпрямляются и, так сказать, «молча» восстанавливают свои физические силы; сердце бьется правильно и делает свое дело покойно, заботливо, как заботливая мать, которая ходит ночью по детской и неслышно одевает, укутывает разбросавшихся и раскидавшихся детей своих. Побывать в такой ненарушимой тишине, будь она в долгой дороге по рыхлому снегу или же в тепло натопленной комнате, в глухую ночь, под теплым деревенским полушубком, исполняющим дело забытого в городе одеяла, — это такое спасение для изорванных, полураздетых, иззябших, не покрытых и не защищенных ничем нервов, какого не найдешь в самую глухую пору столичной ночи, всегда освещенной, как днем.

Хорошо также действует на нервы, а иной раз и прямо на оздоровление сознания, всякая живая, бессловесная тварь, выросшая в деревне на всей своей воле и воспитывавшаяся единственно под руководством самобытных, никем и ничем не реформированных и не систематизированных стремлений и целей. Навстречу вам, подъехавшему к деревенскому дому, вылетает с лаем и со всеми приемами бесстрашной обороны молодая собака, с густою, курчавою шерстью, и вы с истинным удовольствием замечаете, что ведь это тот самый щенок, который летом вместе с другими пищал где-то под крыльцом, ничего не видя и в то же время стараясь найти молоко матери. И вот он является в полном развитии всех своих способностей, талантов, дарований, целей и обязанностей. Никакая система воспитания не наложила на него своей тенденциозной печати; что ему было дано, того и достиг без помехи, и одно уже это дает вам возможность ощутить такое впечатление, которого не получишь от человека, которому всего-навсего осталось дополнить до полного самоудовлетворения — пять или шесть еще не полученных «прибавок». Щенок, развивший все, что ему было дано, не утаивший ни одного своего собачьего таланта, не отказавшийся ни от одной собачьей обязанности и не изменивший ни одному собачьему убеждению, не утративший ни одного из собачьих прав, дарованных ему, в числе прочих тварей, создателем вселенной, освежает своим гармоническим существованием воспоминание о праве личного благообразия. Благообразие щенка отозвалось и в вас желанием непременно привлечь к себе эту милую тварь.

Но милая тварь нейдет, а продолжает лаять и оборонять свою личность от всякого посягательства. Булка, которая оказывается у вас в руке, производит в непосредственной натуре щенка совершенно не то действие, какое вы привыкли видеть в обыкновенном обиходе жизни. Не только она не возбуждает в щенке умиления и низкопоклонства, как это бывает обыкновенно, но, напротив, приводит его в величайшее раздражение: булка, очевидно, должна заманить его со двора в сени, принудить к вилянию хвостом. Никогда этого не будет! Булка принадлежит ему и должна быть отдана без всяких уступок; он дождется своего, а не покорится; он лег на брюхо, положил голову между передними лапами, сверкает глазами и рычит, и бьет хвостом в негодование. Иногда в негодовании вскочит на все четыре лапы, перевернется на одном месте с рычанием, «гамкнет» раз, два и три так повелительно, что булка сама перелетит в сени. Взяв то, что ему следует, щенок с рычанием и бранью за ваше желание попать его независимость немедленно уже умчится в какое-нибудь неприступное место. И в то же время,

не покорившись булке, он без всяких насильственных мер, распоряжений и подтверждений всю ночь бескорыстно исполняет свои обязанности: всю ночь не спит, сторожит, не смыкает глаз. И опять думается о том, как бы хорошо было жить, не покоряясь булке, и делать то, что велит совесть! Подумаешь об этом и поотдохнешь.

Вот только такие-то освежения и хороши в деревне; независимый в поступках щенок, крепкий сон без малейших признаков каких-нибудь сновидений, невзволнованное, ровное бие-ние сердца в ненарушимой ночной тишине, белизна чистого пушистого снега, – вот и все, что ценно в короткие посещения деревни в глухую зимнюю пору.

Но врожденная потребность жить и быть с людьми заставляет желать и живого слова, живого человеческого общества. Приехав в дом и ожидая, пока прибежит парень, на котором лежат обязанности истопить холодную печь и поставить самовар, – не хочется отпустить и ямщиками с ним хочется поговорить. А раз пошла речь о будничных заботах деревенского недосуга, всегда можно быть уверенным, что разговоры будут далеко не веселого содержания. Так бывало всякий раз в короткие приезды «на минутку», так было и в тот вечер, о котором идет речь.

II

Натаскав при помощи ямщика дров и поставив самовар, парень жарко растопил печку и, греясь около нее, сидел на полу. Я тут же примостился, не раздеваясь и ожидая, пока согреется комната. Ямщик подсобил зажечь лампу, предварительно переломив, как соломинку, ламповое стекло, съездил за другим в лавочку и, простившись, уехал; самовар начал трещать и стрелять разгоревшейся лучиной, а парень, поталкивая дрова, стал разговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.